

Научная статья

УДК 316.012; 327.2

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

Геополитические условия формирования капиталистической системы

Олег Константинович Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Аннотация

Существует достаточно популярная гипотеза, защищаемая разными исследователями, согласно которой геополитическая разобщенность Европы в Новое время провоцировала многочисленные войны и тем самым стимулировала инновационный потенциал. Именно эта конкуренция, выделяющая Европу на фоне азиатских империй, стала ключевым фактором модернизации и формирования капитализма. Дж. Голдстоун представил достаточно убедительную критику этой гипотезы. По его мнению, с одной стороны, военная конкуренция не способствует инновационному развитию, а с другой, она была не менее интенсивной и в Азии. В статье предпринята попытка модифицировать гипотезу геополитической конкуренции с учетом замечаний Дж. Голдстоуна. Делается вывод, что данный фактор не является безусловно необходимым и достаточным основанием для модернизации, но выступает способствующим условием, повышающим вероятность начала модернизации.

Ключевые слова

капитализм, мир-системный подход, мировая система, империя, мир-экономика, геополитическая конкуренция, модернизация, Европа и Азия

Для цитирования

Трубицын О. К. Геополитические условия формирования капиталистической системы // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 26–39. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

The geopolitical conditions of the formation of the capitalist system

Oleg K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

© Трубицын О. К., 2026

Abstract

There is a fairly popular hypothesis, defended by various researchers, according to which the geopolitical fragmentation of Europe in Modern times provoked numerous wars and thereby stimulated innovation potential. It is this competition that sets Europe apart from the Asian empires and has become a key factor in modernizing and shaping capitalism. J. Goldstone presented a fairly convincing critique of this hypothesis. In his opinion, on the one hand, military competition does not promote innovative development, and on the other, it was no less intense in Asia. The article attempts to modify the hypothesis of geopolitical competition, taking into account the remarks of J. Goldstone. It is concluded that this factor is not an absolutely necessary and sufficient reason for modernization, but acts as a contributing condition that increases the likelihood of modernization.

Keywords

capitalism, world-systemic approach, world system, empire, world-economy, geopolitical competition, modernization, Europe and Asia

For citation

Trubitsyn O. K. The geopolitical conditions of the formation of the capitalist system. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 26–39 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

Введение

Прежде чем сформулировать задачу работы, нужно прояснить, что в данном случае подразумевается под «геополитическими условиями» и под «формированием капиталистической системы». Говоря о геополитических условиях в данной работе, мы будем иметь в виду лишь один определенный аспект – уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции. Геополитическая конкуренция, доходящая до ситуации войны, может происходить как между политиями, относящимися к одному макрорегиону / цивилизации, так и к разным макрорегионам / цивилизациям. Империи-цивилизации объединяют в своем составе все или почти все общества, принадлежащие к данной цивилизации, исключая таким образом внутрицивилизационную геополитическую конкуренцию. В результате для них остается лишь военная конкуренция с иными политиями, отделенными метаэтническим разломом, и зачастую также отделенными географическими препятствиями – естественными границами макрорегионов. В целом уровень конкурентности геополитической среды для империй ниже, чем для политий – членов геополитически расчлененных макрорегионов, но военные вызовы в перспективе опаснее, так как исходят от иноцивилизационных держав.

Капиталистические отношения, классы и структуры встречаются в истории с глубокой древности практически повсеместно. Однако формирование капиталистической системы – это единичное, уникальное историческое событие, случившееся в Европе Нового времени. До этого элементы капитализма присутствовали на периферии социальных отношений и были тесно слиты с некапиталистическими практиками. Так, в Древнем Риме основным рынком был рынок рабов. В средневековой Европе предкапиталистические города-государства находились в зонах ослабленного феодально-монархического контроля мира-системы с преобладающим данническим способом накопления, выполняя посреднические функции. И во всех случаях древнего и средневекового «капитализма» он был лишь способом накопления, в котором задействованы в основном торговцы и финансисты, а не способом производства, определяющим почти все содержание экономической жизни. Лишь в Европе Нового времени впервые в ис-

тории происходит формирование производительного капитализма как системы, где капиталистические отношения пронизывают экономику от высших этажей финансовой деятельности и международной торговли, до производства массовых товаров и услуг на местных рынках. Капиталистическая индустриализация свидетельствует о складывании капиталистических элементов в полноценную систему.

В прочих цивилизациях капитализм появляется как результат институционального заимствования, а нередко и силового навязывания. Это делает случай Европы уникальным и неповторимым. Этот факт затрудняет проведение сравнительных исследований факторов формирования автохтонного капитализма. Тем не менее, исследователями сформулированы разные перечни факторов, благодаря которым именно в Европе впервые случилась капиталистическая индустриализация, превратившая регион на некоторое время в мирового гегемона. Среди них – уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции, связанной с отсутствием панъевропейской империи, которая объединила бы всю или почти всю Европу в единую централизованную державу. Это можно назвать гипотезой «геополитической расчлененности»: отсутствие макрорегиональной империи-цивилизации и соответствующий высокий уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции повышают шансы традиционного общества на спонтанную модернизацию с развитием индустриального капитализма. Задача данной статьи собственно и состоит в том, чтобы проверить данную гипотезу: действительно ли создание панъевропейской империи могло бы воспрепятствовать спонтанному возникновению здесь производительного капитализма?

Примеры моделей, обосновывающих значимость геополитической расчлененности Европы для ее успешной модернизации

М. Вебер формулирует идею значимости фактора геополитической расчлененности для успешной социальной эволюции по рыночному пути во вполне явном виде, хотя и весьма кратко. Объясняя причины, по которым Китай так и не вступил самостоятельно на путь модернизации, хотя определенные предпосылки для этого у него имелись, он связывает это в том числе с успехом имперского проекта в Китае. Соответственно, успех европейской модернизации отчасти связан с неуспехом здесь имперских проектов. Он замечает, что как «любое образование картелей в частной экономике ослабляет рациональную калькуляцию, эту душу капиталистического хозяйства, так и прекращение политической конкуренции государств за власть приводит к сворачиванию рационализации органов управления, финансового хозяйства и экономической политики. Мировая империя уже не дает для этого никаких стимулов, существовавших когда-то при конкуренции отдельных государств» [Вебер, 2017, с. 164]. В Китае, «как и в объединенном Римской империей orbis terrarum, политическое объединение в мировую империю, очевидно, привело здесь к закату подобного [политического] капитализма, в существенной мере привязанного к государству и его конкуренции с другими государствами» [Там же, с. 195]. Согласно М. Веберу, конкуренция за мобильный капитал между приблизительно равными и достаточно крупны-

ми политиями привела в Европе к союзу между государством и капиталистами, что стало важным фактором формирования современного капитализма.

Однако дальнейшего развития и обоснования данная идея у М. Вебера не получает, поскольку он больше интересовался ролью культурных факторов. Впрочем, в веберианской перспективе культурные факторы получают свою связь с геополитическими: протестантизм сыграл не только мировоззренческую, но и геополитическую роль, поскольку Реформация воспрепятствовала возникновению панъевропейской империи, что позволило Европе сохранить динамизм, присущий конкурентной среде.

Дж. Голдстоун [2014, с. 176–177] излагает идеи современных авторов Э. Джонса и Д. Лэндса, которые доказывают, что наличие множества конкурирующих государств сделало Европу более открытой для инноваций. Они замечают, что в группах соперничающих государств (рассматриваются примеры древнегреческих городов-государств, итальянских государств эпохи Возрождения и государств доиндустриальной Европы) крайне динамично развиваются политика, искусство и военные технологии. Конкуренция между государствами вынуждает правителей не только улучшать военную организацию и технику, но и идти на уступки своим подданным, снижая налоги для получения их поддержки. Для системы конкурирующих государств прогресс становится императивом, так как даже если один правитель подавляет новые идеи, они развиваются в других странах, усиливая инноваторов.

Современный историк У. Мак-Нил подтверждает значимость фактора геополитической расчлененности и провоцируемых ею военных конфликтов для развития Европы. «Хотя политическое разнообразие и нестабильность Западной Европы приводили к хроническим войнам, это не препятствовало быстрому культурному и экономическому росту. Напротив, именно данные факторы и определяли это развитие. Бесконечное соперничество между конкурирующими политическими устройствами питали социальную среду и вдохновляли нововведения, обещая особые выгоды любому новому способу приложения сил. И действительно, если бы средневековая Европа была приведена к политическому миру и согласию либо сильным и успешно правящим императором, либо победившим папством, трудно представить, чтобы импульсивный характер развития европейской цивилизации не стал бы чахнуть и не иссяк бы в любой из этих институциональных конфигураций. Хронические войны, являвшиеся результатом непрекращавшегося политического многообразия, долго были весьма болезненной, но мощной и притом основной движущей силой жизнеспособности Запада» [Мак-Нил, 2004, с. 708].

К. Померанц также видит в войнах двигатель прогресса. Он проводит связь между интенсивностью европейских войн и успехами европейцев в колонизации: «Разумеется, в определенной мере само завоевание заморских территорий было результатом интенсивного военного соперничества внутри собственно Европы. Соперничество это способствовало существенному развитию военных технологий и тактики, что позволило европейцам нивелировать такие недостатки, как чрезмерно большие расстояния, на которых осуществлялось снабжение войск, и ограниченность размеров военного контингента в заморских territori-

ях» [Померанц, 2017, с. 344]. Некоторые исследователи, включая самого К. Померанца, связывают подъем Запада в том числе и с выгодой от колонизации. Если это так, то разобщенность Европы, спровоцировавшая интенсивность военных конфликтов и развитие военных технологий, действительно способствовала развитию, обеспечив Европу колониальными ресурсами. Однако колонизация – это уже самостоятельный фактор и отдельная тема для рассмотрения, поэтому здесь мы на ней останавливаться не будем.

Дж. Даймонд – знаменитый современный представитель географического детерминизма. В книге «Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ» он объясняет причины, по которым в доколумбову эпоху Старый Свет намного опередил в своем развитии Америку. Его ответ сводится к специфике географии: общества Старого Света образовывали обширную сеть, по которой распространялись инновации, ускоряя их эволюцию. (Он в целом исходит из того, что большинство инноваций приходят извне, а не создаются в рамках одного общества.) Объяснение достаточно убедительное, но тогда встает вопрос, а почему в Старом Свете Европа в конце концов опередила всех остальных? Ответ, который он дает в небольшой статье «Как разбогатеть?», тот же – специфика географии¹. В Китае ровная береговая линия и открытое для перемещений армий пространство, в Европе – изрезанная береговая линия², а помимо того Альпы, Пиренеи и другие горы также создают условия для успешного сопротивления имперским проектам со стороны небольших политий. По этим географическим причинам Китай как был объединен в 221 году до н. э., так и оставался единым большую часть времени с тех пор, в то время как из-за географии Европа никогда (до недавнего времени) не объединялась. То, что Китай всегда был единой страной, с единым центром управления, привело к тому, что по прихоти императора подавлялись многие инновации. В Европе тоже были монархии, которые не принимали различные новшества, но Европа состояла из множества княжеств. А это значит, что постоянная конкуренция между ними была двигателем прогресса, и успешные технологии неизбежно внедрялись повсеместно. Впрочем, по его мнению, важно не только наличие множества конкурирующих субъектов³, но и поддержание относительно свободных коммуникаций между ними.

Критика гипотезы геополитической расчлененности

На первый взгляд, утверждения рассмотренных ранее авторов кажутся достаточно убедительными. Действительно, вполне правдоподобным выглядит предположение, что «европейские монархии, соревнуясь друг с другом, поощря-

¹ Diamond J. How to Get Rich (06.06.1999). *Edge.org*. URL: https://www.edge.org/conversation/jared_diamond-how-to-get-rich (дата обращения: 12.06.2025)

² Стоит с ним согласиться, что изрезанная береговая линия и отгороженные от основного массива полуострова не способствовали созданию единой империи. Но также значимо и то, что наличие удобных морских путей, связывающих регионы Европы, способствовало развитию морской торговли и снижало социальный запрос на единую империю, которая поддерживала бы безопасность сухопутных линий торговли. Иначе говоря, для развития европейской торговли империя была излишня.

³ Впрочем, он оговаривается, что существует оптимальная промежуточная степень раздробленности, так как слишком сплоченное общество — это недостаток, но и слишком раздробленное общество — тоже недостаток.

ли торговлю, завоевания и колонизацию» [Фергюсон, 2014, с. 77], (а в дальнейшем и развитие науки и промышленности) и проистекающий отсюда вывод, что «как ни парадоксально, именно благодаря тому, что европейцы были разделены, они правили миром. Для Европы малое было прекрасным, поскольку влекло за собой конкуренцию – не только между государствами, но и в их рамках» [Там же, с. 78]. В противовес этому правитель крупной объединенной империи больше заботится о сохранении контроля над империей, чем о геополитической конкуренции. Это побуждает его к принятию консервативной стратегии управления. Поддержание социального контроля за счет насаждения единообразной религиозной ортодоксии и высокий уровень налогообложения для поддержания режима оказываются важнее инноваций в сфере экономики и военного дела. Однако возникает вопрос – а разве неевропейские монархи между собой не соревновались? Было ли их соревнование недостаточным, или по еще какой причине оно не стимулировало достаточной поддержки экономическому и научно-техническому развитию?

Главным критиком гипотезы геополитической расчлененности является Дж. Голдстоун. Он скептически относится к гипотезе, что конкуренция между европейскими государствами заставила правителей снизить налоги и пошлины и гарантировать права собственности, чтобы завоевать поддержку элиты и народа, что дало основу для экономического роста. Он замечает на это, что Британия в XVIII в. имела самые высокие налоги в Европе, гораздо выше, чем в любой азиатской империи.

Дж. Голдстоун начинает с того, что отчасти соглашается с веберовским подходом в том, что протестантизм действительно содействовал созданию системы конкурирующих государств. Однако «подобная система соперничающих государств не была чем-то уникальным для Европы и в целом не вела к росту благосостояния» [Голдстоун, 2014, с. 90]. Для Европы это не было безусловно положительным обстоятельством, поскольку «конкуренция между европейскими государствами обычно не благоприятствовала свободе и плюрализму – в сущности, подобная конкуренция привела большинство правителей к резкому развороту курса против плюрализма в пределах подвластных им территорий, что означало конец всем инновациям и свободе мысли» [Там же, с. 180]. В целом он не поддерживает популярную идею, представленную у У. Мак-Нила, К. Померанца, Ч. Тилли и других авторов, что война является двигателем прогресса в целом и европейской истории в частности.

Он критически оценивает гипотезу связи геополитической расчлененности, интенсивности военной конкуренции и инновационного потенциала макрорегиона. Она строится на утверждении, что «в отсутствие доминирующей державы, способной установить порядок, Европу постоянно сотрясали войны между государствами на протяжении большей части XVI–XIX столетий. И наоборот, в XVI–XIX вв. большая часть Северной Африки и Ближнего Востока находилась под управлением Османской империи, большая часть Индии – империи Моголов, а весь Китай управлялся империями Мин и Цин» [Там же, с. 176]. Хотя эта «теория и выглядит привлекательно, в сущности, было бы чрезмерным и ошибочным упрощением утверждать, что, начиная с XVI в., в Европе существовала система

соперничающих государств, а в Азии целые империи развивались без конкуренции» [Голдстоун, 2014, с. 177]. С одной стороны, в Европе к системе соперничающих государств принадлежали Польша, Испания, Португалия, Италия, а также Россия и Османская империя, которые не демонстрировали экономического подъема. С другой, Индия и Юго-Восточная Азия также исторически были обычно разделены. Действительно, в Азии существовали десятки государств, причем империи сталкивались с внешними угрозами (например, войны Персии против Османов и Моголов). Также и государства Индокитая – Аннам, Тонкин, Чампа и Кхмер с XII по XX в. непрерывно воевали друг с другом. Таким образом, здесь не работает предположение о том, что Азия состоит из империй, склонных в силу своей имперской природы к консерватизму, провоцирующему застой. В конце обсуждения данной темы Дж. Голдстоун подводит итог: «И в Европе, и в Азии были десятки конкурирующих государств. И там, и там множество государств находились в постоянном военном противостоянии, что позволяло расцветать самым различным убеждениям и религиям, несмотря на усилия отдельных правителей по насаждению религиозного единообразия в своих странах» [Там же, с. 181].

Оценка аргументов за и против гипотезы геополитической расчлененности

Чтобы оценить правдоподобность гипотезы значимости геополитической расчлененности для спонтанной модернизации в Европе и формирования капитализма, нужно сопоставить ситуацию в Европе с ситуацией в других ключевых макрорегионах. В Старом Свете, помимо Западной Европы, таковых всего четыре: Ближний Восток (включая Северную Африку), Дальний Восток (Китай и его окружение), Индийский субконтинент и Северная Евразия (Хартленд в терминологии Х. Дж. Маккиндера, практически говоря территория России). Каждый из этих макрорегионов является ядром определенной цивилизации. Промежуточные территории, такие как Восточная Европа, Средняя Азия, Индокитай, скорее стоит квалифицировать как лимитрофы (в терминологии В. Л. Цымбурского), т. е. промежуточные спорные территории.

У Европы было такое значимое историческое отличие от прочих макрорегионов, как отсутствие прямого соседства с Великой степью, где создавались кочевые империи, периодически обрушивавшиеся на земледельческие цивилизации и наносящие им огромный ущерб. Такое соседство создавало, конечно, геополитический вызов, но иного рода, чем внутрицивилизационные войны. Такой вызов был опаснее и требовал предельного напряжения сил и по возможности создания сильных империй для противостояния угрозе. С другой стороны, культурные заимствования при столкновении с иноцивилизационными народами существенно сложнее, чем при столкновении с собратьями по цивилизации. Да и заимствовать у кочевников было почти нечего⁴. Ситуация геополитической расчлененности, таким образом, для неевропейских цивилизаций давала меньше позитивных импульсов, но создавала большую экзистенциальную угрозу.

⁴ Л. Н. Гумилев бы с таким тезисом, по всей видимости, не согласился.

Характерный пример этого – история Древней Руси. Период раздробленности закончился монгольским завоеванием, разорившим страну и серьезно затормозившим развитие товарного хозяйства. Русским империя нужна была для простого выживания по соседству со Степью. К тому же до открытия окна в Европу на Балтике Петром I Россия была почти что отрезана от торговых путей, способствовавших накоплению капитала. Развитие Российского государства в результате происходило в условиях высокой концентрации принуждения и низкой концентрации капитала [Тилли, 2009]. Стратегия усиления государства за счет использования принуждения подразумевала опору государя на воинственных дворян-землевладельцев при слабых городах и неразвитой буржуазии, что, собственно, и приводило к низкой концентрации капитала. Развитие североевразийского региона, таким образом, шло не по европейскому пути конкуренции множества государств одной цивилизации, а по имперскому пути объединения всего макрорегиона под единой властью. Еще раз стоит подчеркнуть, что данный путь был вынужденным в силу экзистенциальных геополитических вызовов других цивилизаций и ограниченного доступа к морским торговым путям. Он имел свои плюсы, когда концентрированная мобилизация сил общества централизованным государством позволяла побеждать противников и расширять территорию. Но в долгосрочном плане все больше стали проявлять себя и минусы в виде торможения развития капитализма имперской элитой, не склонной к сотрудничеству со слабыми капиталистическими классами.

Аргумент Дж. Голдстоуна, что Россия и Турция также принадлежали к европейской системе соперничающих государств, не вполне правомерен. Они принадлежали к иным цивилизациям, и потому, как уже было отмечено, возможности культурных заимствований были крайне затруднены. По крайней мере, пока Петр не вестернизировал Россию, – а далее модернизация России шла относительно успешно (во всяком случае, уже во времена Крымской войны отставание оказалось далеко не столь катастрофическим, как для Китая того же периода).

Становление европейских государств в основном шло по противоположному пути низкой концентрации принуждения и высокой концентрации капитала (Генуя, Нидерланды) или наиболее перспективному в долгосрочном плане промежуточному пути с параллельным ростом концентрации капитала и принуждения (Франция, Англия) [Тилли, 2009]. Они могли себе позволить развитие без предельной имперской мобилизации. Такое относительно более слабое и децентрализованное государство нуждалось в период раннего Нового времени в наемной армии. Коммерциализация военной сферы (а война была тогда почти что единственной задачей государства и главной статьей расходов) способствовала коммерциализации экономики. Кроме того, короли вынуждены были постоянно занимать деньги у банкиров для финансирования своих военных кампаний. Поначалу это создавало у них соблазн «кинуть» займодавцев, пользуясь своей монаршей властью, не ограниченной законом. Однако вскоре эта стратегия продемонстрировала свою бесперспективность. Обманщику в следующий раз могли уже и не дать заем. К тому же в рамках мира-экономики, как и утверждал И. Валлерстайн, капитализм развивался с надгосударственного уровня вниз, на уровень государств. Это означало, что даже когда на национальном уровне капитал выгля-

дел беспомощной жертвой власти, на деле он был значительно защищен от принудительных поборов тем, что в своей мобильной форме существовал как бы над государствами или между ними. Банкиры и купцы, финансировавшие европейских монархов, были частью разветвленной сети, узлы которой находились в буржуазных протокапиталистических городах-государствах вне досягаемости королей. Так что с владельцами капиталов следовало договариваться и уважать их интересы. Союз короны и капитала стал взаимовыгодным, открывая дорогу формированию абсолютизма, с одной стороны, и усилению капиталистических элементов, с другой.

Аргумент Дж. Голдстоуна, что не все европейские государства, находясь в одной и той же конкурентной военно-геополитической среде, продемонстрировали в Новое время успехи в капиталистической модернизации, не вполне убедителен. Действительно, как он и утверждает, Испания и Португалия не преуспели в развитии капиталистической индустриальной экономики вплоть до XX в., отстав в начале этого века от Японии. Однако заметим, что напряженная военная конкуренция в конце Средних веков (правда, с иноцивилизационными противниками) сделала их одними из наиболее сильных и богатых держав начала Нового времени, лидерами начального периода европейской колониальной экспансии. Но главное – *вызов* внутрицивилизационной военно-геополитической конкуренции создает некоторые предпосылки, повышает шансы модернизации, но не гарантирует ее, – это уже зависит от *ответа*.

Для М. Вебера, как и для других сторонников гипотезы связи геополитической расчлененности и капитализма, Китай является любимым примером того, как централизованная империя задушила ростки капитализма. Впрочем, он признает, что и в Китае был свой период военной конкуренции держав, способствующий созданию политических предпосылок капитализма, но он завершился слишком рано, чтобы элементы капитализма смогли закрепиться. И тут же оговаривается, что создание здесь империи объясняет неразвитость политического капитализма, но не отсутствие чисто экономически ориентированного капитализма. Так что данный фактор является для него не ключевым для объяснения причин отсутствия спонтанного перехода к капитализму в Китае.

Таким образом, аргумент, что мировая империя-цивилизация выступает тормозом экономической модернизации, выглядит достаточно убедительным по отношению к китайской истории. Централизованная империя здесь имела и мотивы, и возможности для регулярной экспроприации усилившихся капиталистов при полном одобрении народа и конфуцианской элиты книжников. Однако, как и заметил Дж. Голдстоун, Индия и Юго-Восточная Азия исторически были обычно разделены, так что аргумент в виде фактора империи здесь выглядит более сомнительным. В исламском мире данного периода также существовало достаточно острое соперничество между государствами Османов, Сефевидов и Великих Моголов, но оно не стимулировало роста инновационности, а, напротив, укрепляло религиозный догматизм, препятствующий развитию науки. Тем не менее, можно достаточно уверенно предположить, что интенсивность военной конкуренции между мусульманскими странами, как и между государствами Индостана и Юго-Восточной Азии, была ниже, чем между европейскими. Империя

Великих Моголов находилась за пределами основного исламского макрорегиона – Ближнего Востока. Ее основной конфликт был с покоренным индуистским большинством и региональными сепаратистами; в итоге он закончился распадом этого непрочного образования⁵. Османская империя в целом может быть охарактеризована как мировая империя, включающая в свой состав большую часть ближневосточного макрорегиона. Если не брать географически отдаленные мусульманские земли, основной суннитский ареал был под контролем турецкого султана. Так что фактор имперского единства (отрицание фактора геополитической расчлененности) все же работал против турецкой модернизации, хотя и не столь явно, как в Китае. Иран же, считая себя единственной шиитской страной, вообще находился в иноцивилизационном окружении, стремясь культурно обособиться не только от немусульманских, но и от суннитских стран. Соответственно, фактор интенсивного внутрицивилизационного конфликта к нему вообще не вполне применим.

Тем не менее некоторая геополитическая расчлененность в регионах Ближнего Востока и особенно Индийского субконтинента определенно присутствовала, как и военная конкуренция между странами. Помимо предполагаемого более низкого уровня ее интенсивности можно предположить, что развитию капитализма препятствовали и другие факторы⁶. Остановимся лишь на геополитическом, имеющем отношение к геополитической расчлененности, но в более специфическом аспекте.

Уровень геополитической расчлененности Европы был существенно выше, чем у любого другого региона мира, поскольку наряду с относительно крупными монархиями имелся целый ряд полунезависимых светских и церковных феодальных владений и городов-государств. Особое значение для раннего периода коммерческого протокапиталистического развития имели последние. Впрочем, значимы были не только независимые городские республики, но и автономные города в феодальных государствах. Как указывает У. Мак-Нил, «благодаря причудливой политической раздробленности Европы, на континенте насчитывалось несколько десятков подобных [Льежу] благоприятствовавших предпринимательству районов» [2008, с. 137]. При этом автономность этих городов также производна от раздробленности (феодальной в рамках отдельных королевств): «Внутри этой [феодальной] системы города занимали несколько аномальное место. Они не были частью растущей феодальной структуры, но существовали более или менее вне ее. Горожане были способны использовать одного местного лорда против другого для поддержания независимости; все лорды имели заинтересованность в поддержке городов, чьи торговцы снабжали их предметами роскоши» [Chase-Dunn, Hall, 1997, p. 174].

⁵ Вообще возможно, что фактор военной конкуренции лучше работает в ситуации, когда существуют относительно устойчивые государства, воюющие друг с другом на протяжении веков, но без радикального сдвига границ, распада или поглощения. Большинство государств Индостана и Центральной Азии были исторически непрочными, легко распадались и поглощались, нередко уже после смерти основателя.

⁶ Здесь, по всей видимости, основную роль в торможении развития сыграли традиционные институты, являющиеся пережитками азиатского способа производства, став барьером на пути перехода к обществу модерна. Также здесь не случилось аналога Реформации, стимулировавшей подъем индивидуализма и укрепления трудовой и предпринимательской этики.

Образовалась своеобразная среда: небольшое число крупных монархий, ведущих между собой основные войны и создающие угрозы для прочих, и множество малых образований, среди которых особое место занимают буржуазные городские республики, ставшие лабораториями социально-экономических инноваций. Победа капитализма произошла тогда, когда крупные страны стали адаптировать у себя и развивать далее капиталистические практики, сначала изобретенные в городах-государствах.

На это можно возразить, что в Азии были свои города-государства (Малакка, Ормуз и др.), которые специализировались на торговле, причем «эти города-государства являли собой территории деловой активности и безопасности, сравнимые с теми, на которых вели свою деятельность европейские владельцы капиталов раннего Нового времени» [Померанц, 2017, с. 304]. Однако таких городов было мало. Они не образовывали обширных сетей, наподобие Ганзейского союза, и не вели между собой длительных войн. Относительно крупных неимперских политий рядом с ними было значительно меньше, чем в Европе, и интенсивность их военной конкуренции ниже.

Еще один аргумент в пользу гипотезы дает такой популярный подход современной теоретической социологии, как военно-фискальная теория современного государства (М. Манн и др.), которая подчеркивает значимость геополитической конкуренции и военных конфликтов в модернизации европейских обществ. М. Сентено в своей книге «Кровь и долг. Война и национальное государство в Латинской Америке» обосновывает данный тезис анализом негативного случая латиноамериканского региона. Здесь государства не вели постоянных войн между собой, так что не случилось военной революции в виде создания массовой и дорогой военной организации. Из-за этого не было создано широкой системы налогообложения и бюрократического аппарата для проникновения государства в общество. В результате латиноамериканские государства так и остались слабыми и несовременными, с низким уровнем патриотического самосознания и национальной солидарности.

Таким образом, выглядит достаточно обоснованным предположение, что если бы в Европе удался какой-либо имперский проект – императоров Священной Римской империи, испанских Габсбургов или папства – это существенно ослабило бы движущие силы модернизации, вплоть до абортирования зачатков капитализма. «Сумей Иннокентий III (1198–1216) и Бонифаций VIII (1294–1303) осуществить план по установлению папского господства над всем христианским миром, сделав военных, горожан и крестьян подданными теократии, Западная Европа уподобилась бы Китаю, где Сын Неба властвовал над обществом посредством преданного конфуцианским идеалам аппарата служащих» [Мак-Нил, 2008, с. 90]. И поскольку традиционное «христианство было столь же враждебно духу рынка, сколь и конфуцианство» [Там же, с. 91], то и результат гегемонии Рима мог быть аналогичным ситуации Китая, где ростки капитализма были успешно задушены. Но в отличие от Китая, «регион Латинского христианства не имел единой управленческой структуры, чьи решения были бы обязывающими на всем западноевропейском пространстве и могли бы удерживать накопление частного капитала на уровне зародышевого минимума. Власть рынка даже над могущественнейшим из властителей стала реальностью» [Там же, с. 137].

Заключение

Геополитическая расчлененность цивилизационного макрорегиона означает, с одной стороны, возникновение предпосылок для формирования мира-экономики, а с другой, для внутрицивилизационной геополитической конкуренции. Войны, очевидно, не являются безусловным благом для общества, так как несут гибель людей, разрушения, нередко рост нетерпимости и ужесточения порядков. Однако они выступают важным стимулом, наиболее требовательно побуждающим к модернизации, заимствованию удачного опыта других. Причем это больше относится к конфликтам внутрицивилизационным, чем к межцивилизационным, при которых возможности заимствования чужого опыта затруднены культурными границами. Ситуация мира-экономики означает формирование сетей международного капитала, до некоторой степени защищающих владельцев капитала от его произвольной экспроприации властями традиционных даннических государств. А ситуация постоянной военной конкуренции побуждает правителей идти на сотрудничество с капиталистами, поощряя развитие капиталистических элементов вместо их подавления.

В условиях геополитической расчлененности возникает пространство для возникновения протокапиталистических городов-государств, выполняющих посредническую функцию в рамках мира-экономики. В них изобретаются различные капиталистические институты, в частности финансовые инструменты, которые впоследствии получают более широкое распространение. Благоприятным фактором для зарождения капитализма является также относительная автономия городов, выступающих центрами накопления капитала, в крупных даннических государствах, которая возникает в условиях относительной слабости центральной власти. Оптимальный сценарий зарождения и развития полноценного производительного капитализма – это когда усиление государства за счет бюрократизации и централизации средств принуждения и концентрация капитала в городах происходят параллельно. В иных случаях складываются либо подавляющие развитие капитализма бюрократические государства, либо малые города-государства, способные развивать только локальный торговый капитализм как способ накопления. В целом существует тенденция, когда капиталистические практики зарождаются в малых городах-государствах, получают развитие в государствах побольше и, наконец, формируют полноценный капиталистический способ производства в крупных государствах. Таким образом, геополитическая расчлененность цивилизационного макрорегиона, особенно такая, которая включает сосуществование относительно крупных государств и малых городов-государств, является благоприятной средой для модернизационного прорыва ограниченный традиционного общества и даннического способа накопления.

Итак, судя по всему, действительно существует определенная благоприятствующая связь между параметрами «геополитическая расчлененность» и «спонтанное развитие капитализма». Причем эта связь двусторонняя – не только расчлененность способствует капитализму, но и наоборот: «Чейз-Данн доказывает, что необычайно высокая сопротивляемость современной межгосударственной системы образованию империи существует благодаря преобладанию капитализма. Капиталисты предпочитают полицентрическую интернациональную поли-

тическую систему. Следовательно, наиболее сильные государства в современной межгосударственной системе не пытаются создать всемирную империю, но скорее пытаются поддерживать эту межгосударственную систему. Причина заключается в их главном методе накопления – товарном производстве, которое отличается от докапиталистических систем, в которых государственная власть сама была главной основой накопления через налоги или дань» [Chase-Dunn, Hall, 1997, p. 33].

Эта связь такова, что геополитическую расчлененность в пределах одного цивилизационного макрорегиона действительно можно назвать значимым фактором модернизации и спонтанного формирования капитализма. Однако значимость этого фактора вероятностная: наличие подобной геополитической ситуации повышает вероятность того, в что в данном макрорегионе произойдет спонтанный переход к капитализму. Этого фактора самого по себе еще недостаточно, так как его наличие не гарантирует начала модернизации, а его отсутствие, как можно предположить, не является непреодолимым препятствием данной социальной трансформации, хотя и снижает ее вероятность. Во всяком случае, догоняющая модернизация может происходить вполне успешно и в крупных государствах имперского типа.

Список литературы

- Вебер М.** Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Голдстоун Дж.** Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.
- Мак-Нил У.** Восхождение Запада: История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004.
- Мак-Нил У.** В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008.
- Померанц К.** Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Изд. дом «Дело», 2017.
- Тилли Ч.** Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009.
- Фергюсон Н.** Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Chase-Dunn Chr., Hall Th. D.** Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder: Westview Press, 1997.

References

- Chase-Dunn Chr., Hall Th. D.** Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder: Westview Press, 1997.
- Ferguson N.** Civilization: how the West differs from the rest of the world. Moscow: AST: CORPUS, 2014. (in Russian)
- Goldstone J.** Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. (in Russian)

- McNeil W.** In pursuit of power. Technology, the armed force and society in the XI-XX centuries. Moscow: Territory of the Future, 2008. (in Russian)
- McNeil W.** The Rise of the West: A History of the human community. Kiev: Nika-Center; Moscow: Starlight, 2004. (in Russian)
- Pomerants K.** The Great Divergence: China, Europe and the Creation of the Modern World Economy. Moscow: Delo Publishing House, 2017. (in Russian)
- Tilly Ch.** Coercion, capital, and European states. 990-1992. Moscow: Territory of the Future, 2009. (in Russian)
- Weber M.** Economic ethics of World religions: Experiments of comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2017. (in Russian)

Информация об авторе

Олег Константинович Трубицын, кандидат философских наук, доцент
Доцент кафедры философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Docent, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 20.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025*
*The article was submitted 20.11.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*